

внедрения современных технологий обучения», 24–25 марта 2011 г., г. Минск. – Минск : УО ВАРБ, 2011. – С. 63.

4. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.

5. Стрижак, А. Л. Этнонимы *хохол*, *москаль*, *бульбаиш* как актуальные слова нашего времени / А. Л. Стрижак // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т ; гл. ред. В. И. Коваль. – Гомель, 2015. – С. 234–237.

The article deals with connotative vocabulary as a source of information about the spiritual and material culture of a people, about the relationship of linguistic and extralinguistic factors in the history of a language, about the connection between language and culture. The subject of the analysis was the outdated and euphemistic vocabulary, as well as the ethnonyms of the Russian language.

УДК 811.161.1'367.335

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНЫХ СЛУЧАЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Тимошенко

В статье рассматривается связь в сочетаниях с зависимым компонентом, выраженным несклоняемым существительным, и связь в сочетаниях с обнаруживающими элементы адвербиализации формами косвенных надежей существительного. Для первого случая приводится обоснование квалификации связи как управления. Для второго отмечается переходный характер связи, обусловленный неотчетливостью частеречной принадлежности зависимого компонента, и необходимость опоры при определении вида связи на выполняемую им синтаксическую функцию.

При изучении видов подчинительной связи в словосочетании у студентов и школьников часто возникает вопрос об определении характера связи, с помощью которой зависимый компонент, выраженный несклоняемым именем существительным, связан с главным словом (т. е. вопрос о связи в словосочетаниях типа *надеть пальто*, *слушать радио*). Отсутствие способности к словоизменению у зависимого компонента, как известно, является признаком связи примыкания. Средствами выражения связи в этом случае выступают интонация, порядок следования компонентов, смысловые отношения, а также грамматически зависимая функция одного из компонентов. Опора на такое грамматическое свойство зависимого компонента, как

неизменяемость, очень часто и приводит к определению вида связи в таких случаях как примыкания. Дополнительным аргументом в пользу подобного решения вопроса становится и то обстоятельство, что среди слов другой именной части – прилагательного – также имеются неизменяемые слова и связь с такими прилагательными в роли зависимого компонента словосочетания рассматривается как примыкание (*пальто реглан, вагон люкс, язык хинди*). Кроме того, в синтаксисе известна попытка выделения связи именного примыкания, и, хотя такие «примыкающие имена» (в случае признания этого вида связи как самостоятельного) употребляются в адвербативной или адъективной функции с определительным значением [1, с. 516; 2, с. 21], наличие самого термина, указывающего на возможность того, что имя существительное способно примыкать, также может «содействовать» определению вида связи в словосочетаниях типа *надеть пальто* как примыкания.

Нет сомнений в том, что связь в словосочетаниях подобного рода должна квалифицироваться как управление. Приведем некоторые соображения, убеждающие в справедливости данного утверждения.

Обобщая взгляды синтаксистов на сущность управления как вида подчинительной связи, Е. С. Скобликова в своей книге «Согласование и управление в русском языке» пишет: «Наиболее точно специфика управления определяется лингвистами, подчеркивающими предметный характер устанавливаемых управлением смысловых отношений» [3, с. 27]. Мы бы подчеркнули, что речь идет о грамматически предметном характере этих отношений, обусловленных принадлежностью зависимого компонента к категориально предметной части речи – существительному. Естественно, предметный характер отношений не может измениться в связи с тем, что в функции зависимого компонента словосочетания выступает существительное неизменяемое.

Основной причиной, часто затрудняющей определение вида связи в рассматриваемом случае, является противоречивость грамматической природы несклоняемых существительных. Морфологические характеристики заимствованных существительных типа *депо, интервью* (отсутствие формально выраженных внутрисловных показателей изменения по падежам и по числам) не поддерживаются их синтаксическим употреблением. В составе же конкретной грамматической конструкции падеж (и число) такого существительного определяется без труда на основе лексико-грамматических свойств определяемого слова, лексического значения и «формы» зависимого компонента, а также вопроса, который предопределяется свойствами обоих компонентов.

Показателем падежной формы существительного в русском языке выступает не только окончание, но и предлог, причем, как показывают наблюдения, роль предлога по направлению к современному языковому срезу

возрастает. По справедливому наблюдению В. В. Виноградова, русский язык является языком «переходного аналитико-синтетического строя», в нем «формы и функции падежей соотносительны с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями» [4, с. 139].

Многими крупными русскими языковедами отмечен тот факт, что внутри одного падежа (формы, имеющей определенное окончание) группируются совершенно разные значения. Например, в рамках родительного падежа выделяют родительный определительный (родительный принадлежности, субъекта, объекта, изъяснения и др.: *деньги сестры, правила игры, час обеда*), родительный количественно-отделительный (*пять дней, много работы; набралось народу*), родительный причинно-целевой (*сделать из жалости, похудеть от забот*) [4, с. 144–146]; творительный падеж при глаголе может обозначать: 1) орудие действия (творительный инструментальный: *колоть топором, писать мелом*), 2) деятеля, а также действующий предмет (*картина, написанная художником*), 3) объект действия (*заниматься музыкой*), 4) пространственные и временные отношения (*ехать берегом, возвратиться поздним вечером*), 5) способ действия (*петь басом, вышивать крестом*), 6) сравнение (*взвиться птицей, кричать петухом*) [см.: 5, с. 245].

Даже в тех естественных для русского языка случаях, когда падеж имеет выражение в окончании, за ним может быть закреплен целый ряд значений, дифференциация которых осуществляется только с помощью предлога, т. е. смысловая и грамматическая нагрузка на предлог возрастает. Особенно наглядно это явление представлено употреблением форм предложного падежа, в составе которых всегда имеется предлог. Так, внутри предложного падежа принято разграничивать изъяснительный (*знать толк в лесе, думать о доме*) и местный (*гулять в лесу, убирать в доме*). Окончание *-е*, свойственное данному падежу, как пишет В. В. Виноградов, таким образом опустошается (еще и потому, что его имеют существительные разных родов и склонений). Это окончание может наблюдаться при разных предлогах: *в дороге, на дороге, при дороге, о дороге*. «Следовательно, здесь различие падежных значений определяется различием предлогов. Здесь намечается столько же падежных категорий, сколько различается предлогов в составной падежной форме» [4, с. 144]. Таким образом, становится совершенно очевидным, что и при несклоняемом существительном предлог (вместе с другими грамматическими средствами) является показателем определенного падежа и, следовательно, определенного типа смыслового отношения, для выражения которого и предназначена категория падежа в языках типа русского. Понятно, что в подчинительном словосочетании падеж зависимой словоформы, а также предлог, при ней употребляемый, предопределяется также лексико-грамматическими свойствами главного

компонента; важную роль играют и особенности морфемной структуры слова, которая может требовать определенного предлога при зависимом существительном, сравн.: *отказаться от кофе, отъехать от метро, добежать до метро, войти в метро, подъехать к кафе, одеться в пальто, перейти через шоссе* и т. п.

Второй случай, вызывающий затруднения в определении вида подчинительной связи, представляют сочетания с зависимым компонентом, выраженным существительным, находящимся на пути перехода в наречие. Изменения в языке происходят постоянно, однако переход одной части в речи в другую может быть не завершен и слово может занимать промежуточное положение между двумя частеречными классами, в данном случае – между существительным и наречием. Невозможность четкого определения частеречной отнесенности слова, естественно, затрудняет определение вида синтаксической связи, поскольку основанием традиционной классификации видов подчинительной связи как раз и является принадлежность зависимого компонента к определенной части речи.

В письменный период существования русского языка класс наречий существенно расширился за счет производных, образованных на базе других частей речи. И в истории языка и в современном русском языке адвербиализации активно подвергаются разнообразные падежные и предложно-падежные формы существительного (сравн.: *сначала, вслух, всмятку, нараспашку, назубок, поневоле, назло, на лету* и т. п.). В случаях семантической изоляции или фразеологизации подобных словоформ их адвербиализация не вызывает сомнений: *в корне неправильная точка зрения, поговорить с глазу на глаз* и под. [4, с. 307]. Не вызывает сомнений и характер связи таких сочетаний с определяемым словом: это связь примыкания. Однако в случаях, когда процесс адвербиализации не закончен и нельзя определенно сказать, существительное или наречие перед нами, возникают затруднения в определении вида связи. Например, А. К. Федоров пишет: «Наречия или существительные с предлогами выделены в следующих словосочетаниях: *сидеть в обнимку, отмерить на глазок, идти на цыпочках, хороший на вкус?*» [6, с. 14]. Неопределенность ответа позволяет говорить о том, что «между управлением и примыканием существуют переходные случаи» [6, с. 18].

Среди прочих падежных форм, подверженных данному процессу, лингвистами особо подчеркивается положение творительного падежа, в результате лексикализации форм которого образуются, например, качественные наречия, называющие образ действия (типа *молчком, пешком, шагом, живьем, чудом*), наречия времени (*утром, зимой*), наречия места (*идти низом, стороной*). Однако и в подобных случаях нельзя определенно сказать, что процесс адвербиализации завершен и мы

имеем дело со сформировавшимся наречием, которое связывается с определяемым словом связью примыкания. Так, еще А. А. Потебня указывал на то, что на полпути к наречию находятся формы творительного со значением сравнения (типа *лететь стрелой*) [см.: 4, с. 305]. Надо полагать, что незавершенность процесса адвербиализации в таком случае осознается, кроме того, на фоне синонимичной конструкции, в которой значение сравнения выражается субстантивным оборотом с частицей *как*: *лететь как стрела*. Неокончателен переход в наречие творительного времени, сравн.: *приехать утром – приехать ранним утром*, во многих случаях творительного с качественным значением: *войти быстрым шагом*. Подобное положение дел характерно и для других падежных форм, сравн.: *Нельзя на полном скаку заворачивать назад – сломаешься* (В. Распутин) [7] и *остановить на скаку; жить в ладу – жить в полном ладу*. Неполная утрата способности слова распространяться согласующейся с ним определительной словоформой свидетельствует о незаконченности процесса адвербиализации. Кроме того, адвербиализация не поддерживается и орфографической нормой. В случае раздельного написания наречий мы не задаемся вопросом, как нужно определить статус препозитивного компонента: нельзя же сказать, что наречие пишется раздельно **с предложом**. Именно в таких промежуточных случаях вопрос о виде подчинительной связи встает особенно остро.

Говоря о подобных явлениях, в целом следует иметь в виду, что в определении частеречной принадлежности слова многими лингвистами на первое место выдвигается синтаксический фактор, а именно условия синтаксического употребления. Так, еще А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» писал о том, что слово как часть речи определяется в грамматике «в его отношении к предложению или вообще к речи» [8, с. 420]. В. В. Виноградов, перечисляя основания деления слов на части речи, на первое место ставит «различия тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения» [4, с. 38]. По-видимому, и в рассматриваемом случае решение вопроса о виде подчинительной связи должно зависеть от того, какую синтаксическую функцию выполняет словоформа и сохраняет ли слово в этой форме предметное значение.

Необходимо подчеркнуть, что в контексте всего сказанного становится понятной идея выделения в качестве самостоятельного вида связи именного примыкания. Более тонкая градация видов связи как раз и позволяет отразить явления, связанные с неотчетливостью, промежуточностью частеречной отнесенности зависимого компонента, с асимметрией его лексического и грамматического значения, когда сохраняются только формальные показатели существительного, но утрачивается категориальное значение

предметности и способность выполнять соответствующие предметным словам синтаксические функции.

Список использованных источников

1. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
2. Русская грамматика. Том II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
3. Скобликова, Е. С. Согласование и управление в русском языке : пособие для учителей / Е. С. Скобликова. – М. : Просвещение, 1971. – 240 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Тихонов, А. Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология) / А. Н. Тихонов. – М. : Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.
6. Федоров, А. К. Трудные вопросы синтаксиса : пособие для учителя / А. К. Федоров. – М. : Просвещение, 1972. – 239 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 10.02.2019.
8. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

The article is devoted to the consideration of the type of subordinate connection in combination with the dependent component expressed by the indeclinable noun, and in combination with the dependent component expressed by the form of indirect case of the noun, which reveals the elements of adverbialization. For the first case the substantiation of qualification of connection as government is given. For the second case, a transitional nature of the connection is noted. The transitivity is due to the indistinguishability of the dependent component belonging to a certain part of speech. Determination of the type of connection requires reliance on the syntactical role of the dependent component.

УДК 811.161.1: [81'37:94]:81'367.622

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ПУТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЯЗЫКОВОМУ ЗНАКУ

Е. И. Холявко

Статья посвящена проблеме обоснования роли лингвистической реконструкции в выявлении неконвенционального отношения к языковому знаку. Семантическая реконструкция выполнена с привлечением философского, культурологического и психологического материала.